

УДК 303.446.4

**КИРГИЗСКАЯ КУЛЬТУРА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
19-ГО СТОЛЕТИЯ**

**THE KYRGYZ CULTURE IN WORKS OF THE RUSSIAN RESEARCHERS OF THE
19TH CENTURY**

©Сумарокова О. Л.

канд. истор. наук,

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина,

г. Бишкек,

futureya@rambler.ru

©Sumarokova O. L.

candidate of historical Sciences,

Yeltsin Kyrgyz–Russian Slavic University,

Bishkek,

futureya@rambler.ru

Аннотация: в статье представлено аналитическое исследование отдельных аспектов культурно–бытовой жизни киргизского народа через призму российской этнографической науки 19 столетия, представленную записками, отчетами и путевыми заметками участников военных походов, а также научными трудами по результатам многочисленных научных экспедиций в Туркестан.

Abstract: the article presents an analytical study of selected aspects of cultural and everyday life of the Kyrgyz people through the prism of Russian ethnographic science of the 19th century, represented by notes, reports, and travel notes of the participants of military campaigns, as well as scientific works on the results of numerous scientific expeditions to Turkestan.

Ключевые слова: Средняя Азия, киргизы, киргизская культура, кочевники, ислам, российская этнография, востоковедение.

Keywords: Central Asia, Kyrgyz, Kyrgyz culture, the nomads, Islam, Russian Ethnography, Asian studies.

С начала 19-го столетия Средняя Азия становится в ряд приоритетных объектов исследований в различных отраслях российской науки. Записки, отчеты и путевые заметки участников военных походов, результаты более 20 научных экспедиций в Туркестан составили обширный фонд естественно–технической, политической и этнографической информации о регионе.

Один из центров мировой цивилизации, важный участник международных политических и торговых отношений, пережив волны мощных миграций и вторжений завоевателей, Средняя Азия стала сосредоточием уникальных культур, среди которых киргизская вызывала у востоковедов и политиков наибольший интерес как в меньшей степени исламизированная, а потому политически лояльная по отношению к иноземным правителям. Эта черта имела особое значение в виду намечавшейся интеграции среднеазиатского региона в общероссийское

<http://www.bulletennauki.com/>

политическое, экономическое и культурное пространство. «Это близкое к природе племя, способное к культуре, живое, чуждое мусульманской инертности и мертвенности. В натуре их есть что-то цыганское, но, вместе с тем, поэтическое» [11, с. 144], — делился своими впечатлениями о киргизах В. И. Липский, российский ботаник, в 1903 г. совершивший длительное путешествие по горному Тянь-Шаню вокруг озера Иссык-Куль с целью изучения здешней флоры.

Этнонимом «киргизы» в дореволюционной российской и западноевропейской литературе обобщенно называли народ, проживавший на территории Средней Азии и Казахстана, делившийся на киргиз-кайсаков, или казак-киргизов — современных нам казахов, а также дикокаменных киргизов, или кара-киргизов — современных нам киргизов. К 1872 г. их общее число в Туркестанском крае сводилось к 1 038 000 человек, т. е. почти 2/3 всего его населения [9, с. 128].

Более всего кара-киргизов (далее *киргизы* — О. С.) проживало в Семиреченской области. После падения ойратской державы они заняли горную местность по верховьям рек Нарын и Чу и по протокам озера Иссык-Куль — территорию, при русском владычестве входившую в состав двух уездов — Пишпекского и Пржевальского. Незначительное число киргизов — около 50 тысяч человек — проживало в Аулие-атинском уезде Сырдарьинской области.

Отмечая факт близости киргизов к казахам и по языку, и по быту, и по антропометрическому типу, исследователи все же отмечали исторически сложившиеся особенности каждого племени. «Кара-киргизы более подверглись влиянию оседлых тюрков западного Туркестана, сартов-кокандцев, так как жили в непосредственном соприкосновении с ними. — Писал в одной из своих работ российский ученый-синолог, буддолог и санскритолог В. П. Васильев. — Те же роды кара-киргиз, которые жили в предгорьях Александровского хребта, в долине р. Чу и по берегам озера Иссык-Куль, находились как раз на пути из Китая и восточного Туркестана в долину Сыр-Дарьи и принимали на себя первые волны каждого нового движения народов с юго-востока на северо-запад» [6, с. 245].

Древнейшая кочевая культура привлекала российских исследователей аскетизмом и натуралистичностью своего бытового уклада. Синкретическое видение вечно движущейся и изменяющейся природы в непосредственном живом созерцании, без анализа, развивало у киргизов воображение, творческую фантазию, способствовало их утверждению в мире. Кочевник был неотделим от природы, всегда внутри нее [10, с. 83–84]. Все это находило выражение, как в духовной, там и в материальной, бытовой культуре.

Система перекочевков киргизов была описана исследователем Н. Зеландом в этнологическом очерке «Киргизы». «Чем жарче становится и чем выше в гору травы, — писал он, — тем выше поднимаются и аулы. Около середины лета кара-киргизы кочуют на высоте 5 000–9 000 ф., владельцы табунов даже прогоняют их до 11 000 ф.» [8, с. 16]. Земли, по которым перегонялись стада, считались собственностью всего рода и имели четко очерченные границы.

Кочевым образом жизни было обусловлено отсутствие у киргизов «прочных селений». Юрта — переносное каркасное жилище из войлока — являлось одним из значимых элементов культуры киргизов. Ее уникальные свойства были отмечены в ряде путевых очерков дореволюционных ученых и путешественников, побывавших в киргизских кочевьях — Н. М. Пржевальского, П. П. Семенова Тянь-Шанского, А. П. Федченко.

«Дикокаменная орда (киргизы — О. С.), как народ кочевой, — писал Ч. Валиханов, — живет в войлочных шатрах, наподобие калмыцких, и как у кайсаков с тою только разницей, что сфероидальный верх юрты гораздо ниже калмыцких, и, вообще, вся юрта имеет более нарядный щеголеватый вид. Весь верх юрты с внутренней стороны вышит арабесками из разноцветных

<http://www.bulletennauki.com/>

фигур из войлока же; ленты, служащие поддержкой юрты, отличаются яркостью и искусным расположением фигур. Внутренность же их жилища, в контраст с нарядностью внешнею, удивительно бедна: ни постели с шитым покровом, ни сундуков, покрытых коврами... Спартанская жизнь и пустота юрты составляют, как говорили сами киргизы, их древний обычай... В домашней жизни дикокаменные киргизы живут скромно и никакой претензии на комфорт не имеют: войлок заменяет ему постель и подушки. Богатый манап отличается от черного [народа] только тем, что каждый день ест барана и в неделю раз гонит кумысную водку, и напивается ею, что называется до чертей» [5, т. 2, с. 36].

Собираемые исследователями сведения о различных сторонах жизни киргизов играли ключевую роль в определении принципов и механизмов проведения Российской империей в середине 19 в. на территории Туркестанского края интеграционной политики. В частности, как утверждал В. В. Бартольд, русские власти, не желая травмировать психику детей коренного населения, привыкшего к достаточно аскетическим условиям жизни, при обустройстве русско-туземных школ посчитали необходимым учесть вкусы и привычки туземного населения, организовав обстановку училищ в соответствии с «примитивным складом домашней жизни инородцев» [3, с. 130]. А тот факт, что киргизы являлись частью номадической цивилизации с присущими ей своеобразным ментальным универсумом и уникальной моделью кочевого образа бытия, «вызывал необходимость устройства при училищах интернатов, дабы дети, живя в кочевьях, могли ежедневно посещать и классные занятия в школах» [15].

К началу 20 в. от патриархально-родового строя у киргизов сохранялось родоплеменное деление и представление о коллективной собственности на землю, различных формах трудовой кооперации и экзогамии. Одним из феноменов киргизского феодализма стало «манапство» — феодально-родовая аристократия, выделившаяся из военного сословия родовой эпохи, но не успевшая еще превратиться в настоящих феодалов. Об истоках манапства в российской дореволюционной историографии так и не сложилось единого мнения. Так, в 60-г. г. 19 в. известный российский востоковед-тюрколог В. В. Радлов получил сведения о том, что манапы появились у киргизов в 18 в.: имя Манап носил один из биев киргизского племени Сарыбагыш, после смерти которого все бии стали именоваться манапами.

Некоторые данные о происхождении манапов были собраны в 1886 г. по поручению туркестанского военного губернатора, командующего войсками Туркестанского военного округа Н. И. Гродекова. Согласно им манапами становились лучшие люди, те, которые выделялись из народа храбростью и щедростью [4, с. 49–50]. Они владели большими территориями летних кочевий и, как правило, располагали судебными функциями, назначая наказание по *адату* — обычному праву. Изучение последнего представлялось российским исследователям крайне важным как для правильной реорганизации управления и суда в среде кочевого населения Средней Азии, так и для науки.

Адат — пережиточные нормы доисламских правовых комплексов — представлял собой совокупность юридических обычаев, передававшихся в устной форме из поколения в поколение и регулировавших в течение длительного времени традиционные общественные отношения — семейные, имущественные и пр. Начало научного изучения собственно киргизского адата было связано с именем первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, поощрявшего любые научные изыскания по изучению Средней Азии. Под его руководством было издано первое и наиболее масштабное исследование, принадлежавшее перу полковника Г. С. Загряжского, «Юридический обычай киргизов» (1876 г.).

В 1883 г. Н. И. Гродеков с назначением на должность губернатора Сырдарьинской области, а еще через год председателем Комиссии по разработке мер противодействия распространению ислама среди кочевников Туркестанского края первым приступает к

<http://www.bulletennauki.com/>

детальному изучению киргизского натурального права, намереваясь способствовать укреплению его позиций в кочевой среде в противовес *шариату* — комплексу верований и религиозно-правовых норм, закрепленных Кораном и сунной пророка Мухаммеда.

«Между киргизами существует стремление к шариату, изучаемому их более учеными муллами. — Комментировал этот факт Гродеков — В Кураминском уезде небольшая часть оседлых киргизов приняла шариат; большая же часть их держится адата; но к администрации неоднократно поступали просьбы о введении у них шариата... В Кураминском уезде спрашивают: хочешь ли судиться по адату или по шариату, и знают, что русским угоден (макул) адат» [7, с. 23–24].

В 1889 г. Гродеков издал книгу «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт», состоявшую из 12 глав, в которых излагались предания о происхождении казахов и киргизов, родовом устройстве, обычаях, юридических нормах по наследованию имущества, брачно-семейным и социально-экономическим отношениям, уголовным преступлениям и наказаниям за них. В приложении были представлены судебные решения, изъятые из книг биев, волостных и чрезвычайных съездов Сырдарьинской области. Их изучение и анализ должны были стать ориентиром царского правительства в поиске оптимальных путей приспособления, действовавших в киргизском обществе правовых норм к государственной правовой системе и ограничить влияние ислама на кочевую среду.

Многие стороны жизни мусульман были переняты киргизами от суфийских дервишей накшбандия. По свидетельству одного из наиболее известных арабо-курдских историков Ибн аль-Асира в 960 г. благодаря успешной миссионерской деятельности исламского богослова Абу ль-Хасана Мухаммеда ибн Суфьяна тюрки Чуйской долины (территория современной Киргизии), занимавшие 200 тысяч шатров, одновременно приняли ислам [1, с. 20].

Зародившись еще на заре ислама, суфизм получил популярность в основном из-за проповеди воздержания и аскетизма. Идеи отречения от мирских благ, греховная сущность богатства, невозможности для богатых слияния с богом и достижения рая привлекала к суфизму массы кочевников. К тому же суфизм, приспособившийся к местным условиям и не принуждавший тюрков к отречению от глубоко укоренившейся системы прежних духовных установок, во многом способствовал созданию так называемого синкретического народного ислама с элементами доисламских верований и традиций тюркских кочевников [13, с. 128].

Дуализм был свойственен не только судебной системе киргизов, но и их религиозным воззрениям, проявляясь в синтезе шаманских верований, обусловленных глубокой символичностью кочевого сознания, и исламских заветов. Это не лучшим образом сказывалось на культовой, обрядовой стороне магометанства, основу которого составляли «пять столпов веры»: оглашение догмата «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его»; намаз — ежедневная пятикратная молитва; ураза — пост в месяц рамазан; закят — обязательная благотворительность; хадж — паломничество в Мекку.

Военный востоковед Н. С. Лыкошин в описании быта туземного населения Туркестанского края заявлял, что «намазы киргизами исполняются немногими и то неаккуратно. С переходом скота в горы киргизы временно подновляют в себе кочевые инстинкты и пользуются свободой и простором, какие немыслимы для кишлачного сарта» [12, с. 229]. Российский ученый А. И. Левшин в работе 1832 г. «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» вообще приводил случай, когда, спросив киргизов, какой те веры, получил в ответ «не знаем». «Обрезание и многоженство — вот два главных правила, — писал другой исследователь, — которые соблюдаются киргизами более, чем другие» [2, с. 1].

Не соблюдался в киргизском обществе, кроме того, предписанный шариатом закон об обязательном ношении женщинами-мусульманками *никаб* — головного убора, закрывающего

<http://www.bulletennauki.com/>

лицо. Своими наблюдениями по этому поводу делился Липский: «Ни у одного мусульманского народа женщины не пользуются той свободой, как у киргизов. Поэтому при посещении киргиз нет тех угнетающих стеснений, которые приходится испытывать при посещении сартов, бухарцев и т. д., — когда при появлении гостя все в доме идет вверх дном, хозяйки улепетывают с криком, стараясь прежде всего, закрыть столь зазорную часть тела, как лицо и т. д. У киргизов не замечаешь никаких отличий от русских. В этом отношении они резко отличаются от всех прочих виденных мною мусульман» [11, с. 145–146].

Такое положение женщины в киргизском обществе позволило туркестанской администрации в начале 20 в. инициировать проект русско–туземных школ для женщин. Первые их них на территории Киргизии были открыты в городах Токмак и Пржевальск в 1911 г.

Несмотря на кажущуюся несовместимость кочевого образа жизни и магометанского вероучения, ислам постепенно завоевывал свои позиции в киргизских кочевьях. «Киргизы все без исключения, мусульмане и в них учение это, хотя и в неясных очертаниях является уже верой укоренившейся, хорошо амальгированной с патриархально–родовыми архаическими воззрениями, с первобытной религиею рода — отмечал в Проекте всеподданнейшего отчета К. П. фон Кауфман. — Опасность и опасность серьезная таится в том именно, что зачинающееся религиозное перерождение номадного населения, при распространении в степи мусульманской школы, неизбежно получит общий тип этого верования, существующий везде, где его возвещали Арабские и Ирано–Тюркские проповедники» [14, с. 440].

Акутализация в этот период исследований, посвященных природе и духу исламского вероучения, степени совместимости его догм с задачами православного российского монаршества, а также анализ составленной к началу 20 в. российскими востоковедами подробной культурной карты среднеазиатского региона и глубокое знакомство с культурным кодом азиатских кочевников — все это предопределило характер национальной политики в отношении киргизского народа. На первый план были выдвинуты обрусение киргизов только в умственном и нравственном отношениях, игнорируя религиозную сторону дела, посредством русского языка и русской школы. Предпринятые в рамках этой программы мероприятия имели охранительное значение, состоявшее в стремлении, цивилизовав, сохранить самобытность киргизской кочевой культуры, не позволив ей в полной мере исламизироваться и, обрета общемусульманскую идентичность, утратить идентичность национальную.

Исследования кочевой культуры киргизов в российской историографии 19 в., как важнейшей области приложения интеллектуальных сил, имели и иную цель — поднять авторитет Российского государства в сознании азиатских подданных, а также продемонстрировать народам региона искреннюю заинтересованность имперского центра в изучении их культур и миролюбивость государственных замыслов.

Список литературы:

1. Barthold V. A Short History of Turkestan // Four Studies on the History of Central Asia. Leiden: Brill, 1956. 183 p.
2. Алекторов А. Е. Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов. Вып. II. Оренбург: Типо–Литография И. И. Евфимовского–Мировицкого, 1892. 57 с.
3. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград: Изд. АН СССР, 1927. 256 с.
4. Бартольд. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе: Киргизское гос. изд–во, 1927. 57 с.
5. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Алма–Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. 422 с.

<http://www.bulletennauki.com/>

6. Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Проект орошения долины реки Чу в Семиреченской области. Введение к проекту. Петроград: ГУЗиЗ Отдел Земельных улучшений, 1915. 296 с.
7. Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр–Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент: Типо–Литография С. И. Лахтина, 1889. 298 с.
8. Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк // Записки Западно–Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1885. Кн. 7. Вып. 2. 78 с.
9. Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя туркестанского края генерал–адъютанта К. П. фон–Кауфмана I–го. М.: Типо–Литография Т–ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1910. 247 с.
10. Кочевники — Эстетика (Познание мира традиционным казахским искусством) / Сост. М. М. Каратаев. Алматы: Гылым, 1993. 262 с.
11. Липский В. И. По горным областям русского Туркестана (Тянь–Шаня). СПб.: Тип. М. Стасюлквича, 1906. 155 с.
12. Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Петроград: Тип. Б. Д. Брунера, 1916. 415 с.
13. Мокеев А. Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek. 2006. №2 (2006). С. 125–136.
14. Проект всеподданнейшего отчета Ген.–Адъютанта К. П. фон–Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал–Губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб.: Военная тип., 1885. 503 с.
15. Центральный Государственный Архив Кыргызской Республики. Ф. И–86. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

References:

1. Barthold V. A Short History of Turkestan // Four Studies on the History of Central Asia. Leiden: Brill, 1956. 183 p.
2. Alektorov A. E. Materialy dlja izuchenija strany, istorii i byta kirgizov. Vyp. II. Orenburg: Tipo-Litografija I.I. Evfimovskogo-Mirovickogo, 1892. 57 s.
3. Bartol'd V. V. Istorija kul'turnoj zhizni Turkestana. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1927. – 256 s.
4. Bartol'd. Kirgizy. (Istoricheskij ocherk). Frunze: Kirgizskoe gos. izd-vo, 1927. 57 s.
5. Valihanov Ch. Ch. Sobr. soch.: v 5 t. Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, 1985. T. 2. 422 s.
6. Vasil'ev V. A. Semirechenskaja oblast' kak kolonija i rol' v nej Chujskoj doliny. Proekt oroshenija doliny reki Chu v Semirechenskoj oblasti. Vvedenie k proektu. Petrograd: GUZiZ Otdel Zemel'nyh uluchshenij, 1915. 296 s.
7. Grodekov N. I. Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti. Juridicheskij byt. Tashkent: Tipo-Litografija S.I. Lahtina, 1889. 298 s.
8. Zeland N. Kirgizy. Jetnologicheskij ocherk // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Omsk, 1885. Kn. 7. Vyp. 2. 78 s.
9. Kaufmanovskij sbornik, izdannij v pamjat' 25 let, istekshih so dnja smerti pokoritelja i ustroitelja turkestanskogo kraja general-ad#jutanta K. P. fon-Kaufmana I-go. M.: Tipo-Litografija T-va I.N. Kushnerev i Ko, 1910. 247 s.
10. Kochevniki — Jestetika (Poznanie mira tradicionnym kazahskim iskusstvom) / Sost. M.M. Karataev. Almaty: Gylym, 1993. 262 s.
11. Lipskij V.I. Po gornym oblastjam russkogo Turkestana (Tjan'-Shanja). SPb.: Tip. M. Stasjulkvicha, 1906. 155 s.

<http://www.bulletennauki.com/>

12. Lykoshin N. S. Polzhizni v Turkestane. Ocherki byta tuzemnogo naselenija. Petrograd: Tip. B. D. Brunera, 1916. 415 s.
13. Mokeev A. Rol' sufijskih shejhov v rasprostranenii islamskoj religii v Kyrgyzstane // Journal of Turkic Civilization Studies. Bishkek. 2006. №.2 (2006). S. 125–136.
14. Proekt vsepodannejshego otcheta Gen.-Ad#jutanta K. P. fon-Kaufmana po grazhdanskomu upravleniju i ustrojstvu v oblastjah Turkestanskogo General–Gubernatorstva. 7 nojabrja 1867 — 25 marta 1881 g. SPb.: Voennaja tip., 1885. 503 s.
15. Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Kyrgyzskoj Respubliki. F. I–86. Op. 1. D. 2. L. 45.УДК 32.019.5

*Работа поступила в редакцию
14.12.2015 г.*

*Принята к публикации
24.12.2016 г.*